

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

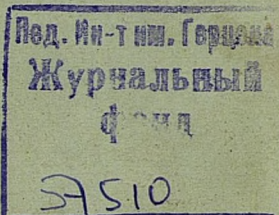
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1878

СЕНТЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О РУССКИХЪ ВЪ КУЛЬДЖѢ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ. Рукопись цюка Паренія, сообщенная Д. О. Касицынымъ.
- II. ОБЫЧАИ КИРГИЗОВЪ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ. II.
- III. ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотвореніе. И. П.
- IV. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВЫЙ. Романъ. Часть пятая. Гл. I—VIII. В. Г. Авсеенка.
- V. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. X. (1810—1813).
- VI. ПИСЬМА СЪ ПОХОДА. (Румынія.—Тырново.—Первый Забалканскій походъ.) Князя А. Н. Церетелева.
- VII. КАМЕНЬ СИЗИФА. Гл. XXIV—XXV. К. Н. Леонтьева.
- VIII. ТРИ МѢСЯЦА ВЪ ДЕРЕВНѢ. Воспоминанія и очерки прошлаго. Гл. I—VI. Е. В. Пяткиной.
- IX. ЛОРДЪ БЕКОНСФИЛДЪ КАКЪ ЛИТЕРАТОРЪ. И. Н. Павлова.
- X. ИЗЪ ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА. Н. А. Любимова.
- XI. НЕ ИЗЛИШНЕ НѢЧТО И КРОМЪ ТОЧНОСТИ. По поводу отвѣта г. Бунге. X.
- XII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.
- XIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Зиссермана.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковъ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878

ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ

О РУССКИХЪ ВЪ КУЛЬДЖѢ

И ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

РУКОПИСЬ ИНОПАРОЕНІЯ, СООБЩЕННАЯ Д. О. КОСИЦЫНЫМЪ.

Немногимъ извѣстно какъ и почему китайская Кульджа стала русскою и притомъ въ такой степени что тогда какъ присоединенія обыкновенно съ усиліями удерживаются въ подданствѣ, не рѣдко при помощи военной силы, Кульджа, напротивъ, боится только одного — какъ бы Россія не отказалась отъ нея и не возвратила ее обратно Китаю. Недавно какъ въ мартѣ текущаго года было напечатано извѣстіе изъ Кульджи (см. *Московскія Вѣдомости* 1878, № 59), гдѣ именно говорилось что „мысль о водвореніи Китайцевъ въ Илійской долины страшно беспокоитъ все населеніе — и Таранчинское, и Дунганское. Много разъ обращалось оно съ самыми искренними просьбами къ высшей администраціи въ краѣ. Недавно выборные отъ Кульджинскаго населенія представили чрезъ участковаго начальника адресъ, вызванный толками объ уступкѣ Кульджи Китаю; въ этомъ адресѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Среди населенія, удостоившаго насъ своимъ избраніемъ, разнесся тревожный слухъ „о томъ что край нашъ въ скоромъ времени будто бы будетъ „уступленъ Китайцамъ. Слухъ этотъ растетъ и крѣпнетъ съ „каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ, и все населеніе поголовно, какъ одинъ человекъ, проникнуто тупымъ ужасомъ и

„возбужденіемъ...“ По поводу подобныхъ слуховъ о передачѣ Кульджи Китайцамъ, говорилось въ томъ же извѣстіи, для успокоенія массъ было заявлено, чтобъ онѣ жили спокойно, не принимали близко къ сердцу тѣ базарныя свѣдѣнія какія до нихъ доходятъ, и молились бы Богу о здравіи Государя Императора, который по своему челоуколюбію сдѣлаетъ для нихъ все возможное. Очевидно что присоединеніе Кульджи къ Россіи не внѣшнее только, а внутреннее и самое искреннее, что она не только не тяготеетъ имъ, а, напротивъ, страстно дорожить, полагая именно въ немъ свое счастье. Какъ совершилась эта перемѣна съ китайскою Кульджей? Когда и кто такъ привязалъ ее къ Россіи? Какъ возникъ самый вопросъ о китайской Кульджѣ? Отвѣта на эти и подобные имъ вопросы, насколько мнѣ извѣстно, въ печати нигдѣ не имѣется.

Нѣтъ нигдѣ въ печати обстоятельныхъ свѣдѣній и о томъ когда и кѣмъ покорена Киргизская степь, то-есть все то пространство какое составляетъ нынѣшнюю Семирѣченскую и большую часть Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Присоединено къ Россіи пространство большее чѣмъ отъ Москвы до Парижа, и однакожъ совершенно неизвѣстно какіе Черняевы или Кауфманы, и съ какими войсками совершили это?

Между бумагами переданными въ мое распоряженіе, отъ извѣстнаго, теперь уже покойнаго, русскаго паломника и многосторонняго церковнаго дѣятеля—инокъ Паренія, * находитсѣ разказъ дающій отвѣтъ на предыдущіе вопросы.

Не имѣя возможности провѣрить нѣкоторыя подробности самаго разказа, какъ напримѣръ переписку автора съ покойнымъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, митрополита Филарета съ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода графомъ Протасовымъ и нѣкоторыя другія частности, я считаю однако главный фактъ разказа внѣ всякаго сомнѣнія, и самый разказъ въ высокой степени любопытною страницей въ ряду повѣствованій о многообразныхъ преобрѣтеніяхъ нашего отечества.

Разказъ записанъ самимъ покойнымъ авторомъ и помѣщается здѣсь только съ немногими измѣненіями, не относящимися, конечно, къ сущности самаго дѣла.

Д. КОСИЦЫНЪ.

* Отъ него осталось болѣе двѣнадцати печатныхъ сочиненій. Особенно извѣстно его *Странствіе по Святѣмъ Мѣстамъ*, I—IV части. Много сочиненій противураскольническихъ. Онъ же основатель Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго и еще восьми монастырей. Въ рукописи должно остаться послѣ него около десяти сочиненій, но вѣроятно большая часть изъ нихъ уже затеряна.

1845 года іюля 27го дня, въ праздникъ Святаго великомученика и цѣлебника Пантелеимона, въ храмовый праздникъ Аѳонскаго русскаго монастыря, духовный мой отецъ, іеросхимонахъ, рѣшилъ мою судьбу, послалъ меня въ Сибирскую страну, въ городъ Томскъ. Но предварительно онъ велѣлъ мнѣ сходить въ Іерусалимъ. На двѣнадцать тысячъ верстъ отправилъ меня съ двѣнадцати рублями на ассигнаціи и притомъ не велѣлъ ни у кого ничего просить. Тяжело мнѣ было исполнить такое послушаніе; но уважая его подвиги рѣшился исполнять послушаніе. Въ два года достигъ до города Томска и съ 1847 года поселился въ архіерейскомъ домѣ у преосвященнаго Аѳанасія епископа томскаго. Владыка заставилъ меня описывать странствіе и путешествіе по Святымъ Мѣстамъ.

Въ одно время понадобилось мнѣ кожевеннаго товара; это было въ 1850 году. Пошелъ я на базаръ въ кожевенный рядъ, вошелъ въ одну лавку и спросилъ товара; въ лавкѣ находились старушка и молодой человѣкъ; старушка спросила меня откуда я и гдѣ живу. Я разказалъ что съ Аѳонской горы и живу въ домѣ у преосвященнаго. Она сказала своему человѣку: „Порфирій! отпусти батюшкѣ хорошаго товара, а денегъ не бери.“ Потомъ сказала мнѣ: „батюшка, если что еще нужно будетъ, приходи къ намъ“. Я ее поблагодарилъ. Молодой человѣкъ спросилъ меня: можно ли батюшка придти къ вамъ въ келію и гдѣ ваша келія? Я сказалъ: приходи когда тебѣ угодно, моя келія подъ архіерейскою спальною, а ходъ изъ сада. И такъ простились. Въ одно время приходитъ онъ ко мнѣ; я спросилъ какъ его звать, онъ сказалъ: Порфирій Глѣбовичъ Уфимцевъ; потомъ онъ началъ разспрашивать объ Аѳонской горѣ, о Іерусалимѣ и о прочихъ Святыхъ Мѣстахъ; я ему все разказалъ подробно. Потомъ онъ сказалъ: и я много постранствовалъ. Я промолчалъ, размышляя про себя, „гдѣ тебѣ странствовать, развѣ гдѣ-нибудь по Сибири торговалъ“, и такъ пропустилъ его слова мимо ушей; потомъ распростились. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пришелъ и мы о многомъ бесѣдовали; между прочимъ онъ опять повторилъ прежнее „что и онъ много странствовалъ“, но я опять не внялъ его словамъ и не обратилъ на нихъ никакого вниманія, и такъ опять разошлись.

Спустя нѣсколько времени снова приходитъ и опять разговоры. Онъ сказалъ что онъ тоже походилъ по свѣту, тогда я

обратилъ вниманіе и спросилъ: гдѣ же ты странствовалъ и ходилъ по свѣту? Тогда онъ началъ разказывать что нѣсколько разъ кружилъ Киргизскую степь и Бухарію, былъ и въ Китаѣ. Я спросилъ: какимъ же образомъ ты туда попалъ? онъ мнѣ разказалъ слѣдующее:

„Родомъ я Тобольской губерніи, мѣщанинъ города Туринска. Изъ Туринска же въ городъ Семипалатинскъ купецъ Самсоновъ былъ, мой дальній родственникъ. Пріѣхавъ въ Туринскъ онъ выпросилъ меня восьми лѣтъ у родителей, увезъ съ собой въ Семипалатинскъ и отдалъ меня учиться грамотѣ и языкамъ: татарскому, киргизскому и бухарскому (хотя въ сущности это языкъ и одинъ, но произношеніе словъ у нихъ разное). Когда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, онъ, обривъ мою голову и надѣвъ татарскій колпачокъ и всю одежду татарскую, отправилъ меня съ работниками-Татарами торговать за прикащика въ Киргизскую степь съ товаромъ на верблюдахъ. Тамъ торговля вся на мѣну и мы мѣняли скотъ: коровъ, воловъ, быковъ и барановъ; питались одною бараниной, тамъ хлѣба нѣтъ никакого, ни хлѣбопашества; тамъ я торговалъ нѣсколько лѣтъ и измѣрилъ всю Киргизскую степь вдоль и поперекъ. *Киргизы народъ добродушный и считаютъ себя подданными Благо Царя.*

„Годъ отъ году Самсоновъ торговлю увеличивалъ; мы пробрались въ Бухарію и тамъ начали торговать; я познакомился съ Бухарцами и торговалъ во всей Бухаріи въ городахъ: Самаркандѣ, Ташкентѣ, Коканѣ и Бухарѣ; ежегодно, а иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвращался въ Семипалатинскъ къ хозяину и отдавалъ ему отчетъ. Въ одно время онъ отправилъ товару очень много, такъ что мы не могли промѣнять и сбыть товаръ ни въ Киргизской степи, ни въ Бухаріи. Знакомые Бухарцы начали звать меня съ собой въ Китай, въ Кульджу, на ярмарку чтобы тамъ промѣнять свои товары на чай и шелковые матеріи. Я долго колебался и не рѣшался ѣхать боясь Китайцевъ, но послѣ рѣшился. У насъ были свои юрты; потому что въ тѣхъ странахъ безъ юрты обойтись нельзя. Поѣхали въ Китай и ѣхали до Китая степями и песками три мѣсяца, потому что верблюды идутъ тихо, да еще и потому что съ нами было нѣсколько тысячъ барановъ. Наконецъ доѣхали до китайской границы, гдѣ насъ остановили и спросили: откуда и зачѣмъ? Мы отвѣтили: изъ Бухаріи, ѣдемъ въ Кульджу на ярмарку; насъ пропустили, мы выѣхали на

Пекинскую дорогу, потомъ поворотили направо и увидали Кульджу. Я спрашиваю: гдѣ же ярмарка? Оказалось что она вся состоитъ изъ юртъ и устроена по плану прямыми улицами. Намъ отвели мѣсто, мы разстали свои юрты, разложили товаръ, полъ устлали коврами и открыли торговлю. Китайцы стали насъ посѣщать и разсматривать товаръ. Въ одинъ день приходитъ въ юрту Китаецъ, лѣтъ около тридцати; много разспрашивалъ насъ о торговлѣ, вообще былъ, какъ говорятъ, человѣкъ словоохотливый. Я предложилъ ему чубукъ, онъ сказалъ что не куритъ; я спросилъ: охотники ли Китайцы до чубука? онъ отвѣтилъ: всякіе есть, кто охотникъ, а кто нѣтъ. О многомъ и долго мы поговорили, потомъ вижу что онъ смотритъ на меня не совсѣмъ обычно, къ чему-то все присматривается. Думаю, не шпионъ ли это, не хочетъ ли онъ признать меня Русскимъ, а тамъ Русскимъ бѣда, сейчасъ законфискуютъ товаръ, самому завяжутъ глаза и отправятъ въ Кяхту. Напились чаю; а онъ все смотритъ на меня съ какимъ-то умысломъ. Наконецъ говорить: знаешь ли, я вижу что ты не Татаринъ и не Бухарецъ и не Киргизъ, а какого-нибудь другаго рода. Я спросилъ, почему ты такъ думаешь? Нужно замѣтить что мы говорили все по-киргизски, потому что Китайцы, ведя постоянную торговлю съ Киргизами, хорошо знаютъ этотъ языкъ. Китаецъ отвѣтилъ: ты не похожъ ни на кого изъ принадлежащихъ къ названнымъ народамъ; у тебя и лицо другое, и рѣчь иная, мягкая. Я говорю: и у васъ есть разные лица и разные выговоры. Онъ отвѣтилъ: точно есть разные лица и выговоры, но только скажу тебѣ рѣшительно что ты не Татаринъ, не Киргизъ и не Бухарецъ, а какого-нибудь другаго рода. Потомъ спросилъ: не Русскій ли ты, откройся мнѣ, я и самъ Русскій и христіанинъ. Я спросилъ: почему же можно удостовѣриться что ты дѣйствительно христіанинъ. Онъ отвѣтилъ: потому что я знаю христіанскія молитвы, и началъ читать по-киргизски наши первоначальныя молитвы: Царю Небесный, Святыи Боже, Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, Пресвятая Троице помилуй насъ, Отче нашъ, Приидите поклонимся, Помилуй мя Боже, Вѣрую во единого Бога, Достойно есть. Я спросилъ: а бывалъ ли ты въ Россіи? тамъ когда молятся, то крестятся. Онъ отвѣтилъ: и я крещусь и перекрестился, но только прежде положилъ руку на лѣвое плечо. Я сказалъ что Русскіе когда крестятся прежде кладутъ на

правое плечо, но онъ отвѣтилъ: чего насъ спрашивать? Мы только по одному преданію знаемъ что наши предки были Русскіе и христіане, они оставили намъ на китайскомъ языкѣ молитвы и образа мѣдныя; теперь мы на самомъ-то дѣлѣ никакого закона не имѣемъ, ни христіанскаго, ни китайскаго, потому что въ китайскія кумирницы мы не ходимъ. Вотъ уже двѣсти лѣтъ мы такъ живемъ; во все это время не видали ни одного Русскаго человѣка, ни одного христіанина; заброшены въ такую дальнюю и дикую страну. Я спросилъ: какъ же вы попали въ эту страну? онъ началъ разказывать какъ на рѣкѣ Амурѣ былъ русскій городъ Албазинъ, какъ Китайцы его взяли, весь народъ увели въ плѣнъ въ Пекинъ и населили тамъ плѣнными особую слободу. Потомъ онъ передалъ что у нашихъ стариковъ была церковь и священникъ, но священникъ устарѣлъ и померъ, церковь осталась пуста; наши Русскіе стали тогда просить Китайское правительство чтобъ изъ Россіи выписать новаго священника; но правительство не согласилось. Вслѣдствіе этого наши старики поговорили круто съ правительствомъ, за что пятьдесятъ семействъ и сослали сюда въ Кульджу; а кто молчалъ тѣхъ оставили въ Пекинѣ. Мы слышимъ что тамъ есть церковь и монастырь и священники; но никто изъ насъ въ Пекинѣ не бывалъ, потому что здѣшніе законы запрещаютъ далеко отлучаться отъ своего мѣста; женъ мы беремъ Китайянокъ и отъ того мы переродились въ Китайцевъ.

„Я вижу что предо мною дѣйствительно Русскій и рѣшился объявить ему о себѣ правду. Собравшись съ духомъ сказалъ ему: воистину я Русскій, распахнулъ и показалъ ему свою красную рубашку и крестъ съ гайтаномъ. Онъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня и зарыдалъ, приговаривая: блаженіи очи мои видѣвшія Русскаго человѣка, и омочилъ всего меня слезами. Я едва уговорилъ его сѣсть чтобы поговорить. Наконецъ онъ сѣлъ, но уже ничего не говорилъ, а только, смотря на меня, плакалъ; потомъ сказалъ: давай побратаемся и онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ меня и въ разговорахъ не видали какъ прошелъ день. Наконецъ онъ сказалъ что ему пора уже въ городъ, а то ворота запрутъ; завтра, прибавилъ онъ, прошу васъ къ себѣ въ гости, и пріѣду самъ за вами. Такъ простившись, онъ пошелъ въ городъ, послѣ чего мнѣ самому сдѣлалось скучно. Поутру часовъ около восьми, смотрю—братъ ѣдетъ верхомъ на конѣ, а другого

ведетъ въ поводу. Уздечка и сѣдло на конѣ, на которомъ онъ самъ сидитъ, убраны серебромъ, а на конѣ для меня уздечка и сѣдло вызолочены. Поздоровавшись со мною онъ просилъ меня сѣсть на коня, я привыкъ по стелямъ ѣздить верхомъ, сѣлъ и мы поѣхали въ Кульджу. Въѣхали въ городъ, ѣдемъ по улицѣ, вижу впереди толпу народа, я спросилъ что это за народъ, братъ мой отвѣтилъ: всѣ наши Русскіе пришли и собрались встрѣчать тебя. Мы подъѣхали къ толпѣ и остановились, одна молодая женщина подошла къ намъ, сняла меня съ сѣдла и поцѣловала мою руку; братъ мой сказалъ мнѣ что это его жена и прибавилъ: „у насъ такой обычай чтобы дорогаго гостя снимала съ сѣдла жена хозяина“; потомъ братъ подвелъ своихъ дѣтей, которыя поцѣловали руку и поду мою. За симъ пошли въ домъ; тутъ пошло цѣлованіе и разговоры, имъ же нѣсть конца; тутъ были приготовлены закуски и чай. Потомъ пошли разговоры со слезами о томъ зачѣмъ насъ бросила Россія? Вотъ прошло двѣсти лѣтъ и мы никакого не имѣемъ утѣшенія. Я сказалъ: да Россія о васъ и не знаетъ; она и не подозреваетъ что вы здѣсь живете; въ Россіи и не слыхали что есть и Кульджа. Они начали просить меня, нельзя ли довести о нихъ до Русскаго Царя; я отвѣчалъ имъ что я человѣкъ молодой и маленькій, сдѣлать ничего не могу. Пошли разспросы о Россіи, о Русской вѣрѣ и о церквахъ, и о всѣхъ обычаяхъ; и посадили меня посреди себя, и всѣ смотря на меня плачутъ говоря: и намъ бы здѣсь можно имѣть священника и церковь; ибо Китайцы на это смотрятъ очень легко; вотъ богатые семейства приняли магометанство, и Китайцы ничего имъ не запрещаютъ; но только сначала нужно прислать священника подъ видомъ Татарина, какъ ты теперь; но прямо Русскимъ нельзя, потому что Китайцы Русскихъ боятся. Потомъ былъ обѣдъ для всѣхъ, послѣ обѣда опять провели время въ разговорахъ, и уже къ вечеру братъ мой отвезъ меня на ярмарку въ свою юрту. Послѣ этого братъ мой и прочіе Русскіе помогли мнѣ весь товаръ промѣнять на чай и шелковыя матеріи. Даже до половины ярмарки я былъ уже свободенъ, ѣздилъ по гостямъ къ своимъ Русскимъ, по домамъ и по хуторамъ; всѣ они живутъ зажиточно, кто торгуетъ, а кто мастеровой. По окончаніи ярмарки, я отправился съ Бухарцами обратно домой. Русскіе провожали меня до поворота въ Бухарію, тутъ они простились и сказали: на будущій годъ будемъ опять ожидать тебя.

„Изъ Бухаріи черезъ Ташкентъ мы отправились въ Россію, въ Семипалатинскъ и пріѣхали къ хозяину Самсонову; онъ очень обрадовался нашему возвращенію и сказалъ: а я полагалъ что васъ уже и въ живыхъ-то нѣтъ; гдѣ это вы были? Я разказалъ все какъ было: такъ какъ вы товару отпустили очень много, то мы не могли его сбыть въ степи и поѣхали въ Бухарію, были въ Самаркандѣ, Ташкентѣ, Кокандѣ и Бухарѣ, но и тамъ не сбыли. Бухарцы пригласили насъ ѣхать въ Китай, въ Кульджу, на ярмарку; мы согласились и отправились въ Китай, тамъ торговали очень хорошо; весь свой товаръ промѣняли на чай и шелковыя матеріи, извольте получить все. Хозяинъ остался очень доволенъ. Я разказалъ ему о Русскихъ живущихъ въ Кульджѣ; но онъ думалъ только о своихъ дѣлахъ и сказалъ: теперь можно опять ѣхать и не черезъ Бухарію, а прямо въ Кульджу; вотъ я разспрошу Киргизовъ, не знаетъ ли кто изъ нихъ прямой дороги; и дѣйствительно вскорѣ нашелъ одного Киргиза, который хорошо зналъ этотъ край и разказалъ что новый путь короче наполовину; пока доѣдешь по старому пути до Ташкента, по новому будешь въ самой Кульджѣ. Только надобно ѣхать черезъ Семирѣченскій край и на каждой рѣкѣ нужно будетъ верблюдовъ разгружать, дѣлать плоты изъ чакану и товаръ переплавлять на плотахъ, а верблюдовъ и барановъ вплавъ. Хозяинъ нанялъ этого Киргиза въ провожатые. и нагрузилъ товаромъ множество верблюдовъ; работниковъ взялъ всѣхъ изъ Татаръ, и отправилъ со мной еще только одного Русскаго. На одной рѣкѣ мой русскій товарищъ провалился одною ногою сквозь плотъ, вымочился, простудился и скоро померъ; я его похоронилъ какъ зналъ и поѣхали далѣе въ путь. Не доѣзжая до Кульджи, встрѣтилъ меня братъ и проводилъ на ярмарку. Поставивъ свои юрты и разобравъ товаръ, мы торговали очень хорошо, особенно потому что намъ помогали братья мои Кульджинцы; однакожь товару все же осталось у насъ около половины. Братъ сказалъ мнѣ: не скорби, оставайся у меня зимовать; зимой будемъ возить товаръ въ степь и мѣнять на барановъ, а барановъ снова мѣнять здѣсь на чай. Я остался зимовать въ Кульджѣ, и зимой весь товаръ промѣнялъ на барановъ, а барановъ на чай. Но къ веснѣ получилъ печальную вѣсть что въ степи разбойникъ Канисаръ, собравъ нѣсколько тысячъ войска, грабитъ Киргизовъ; я пріунылъ, но братья дали мнѣ наставленіе чтобы

накупить подарковъ изъ разныхъ матерій и серебряныхъ вещей и ѣхать къ нему прямо. Если онъ дастъ поцѣловать руку, то это будетъ знакомъ благоволенія къ тебѣ; тогда ты попроси его чтобъ онъ пропустилъ обозъ, а обозъ отправь другимъ путемъ подъ горами, и старайся пробыть у него подольше чтобъ обозъ ушелъ подальше. Я все исполнилъ какъ мнѣ говорили. Братья проводили меня и я простился съ ними навсегда, сказавъ: хотя и живъ останусь, но больше уже не поѣду въ степь. Такъ мы простились и плакали и они говорили: помяни насъ, братъ, заброшенныхъ въ дикую страну.

„За симъ мы отправились въ путь. Выѣхавъ въ степь, караванъ отиравили подъ горами, а сами втроемъ поѣхали къ Канисару, наказавъ своимъ какъ можно торопиться съ караваномъ. Предъ первымъ кордономъ насъ остановили и спросили: чтѣ вамъ надобно? Мы отвѣтили: имѣемъ дѣло къ царю Канисару; насъ повели къ нему; меня впустили въ юрту по приказанію Канисара, а товарищи остались внѣ, при дарахъ. Юрта была убрана по-царски, постланы драгоцѣнные ковры, стѣны увѣшаны златотканными шальями, подушка на которой сидѣлъ Канисаръ вышита золотомъ, одежда на немъ шелковая, златотканная. Вошедши къ нему и сдѣлавъ три поклона до земли, я хотѣлъ было поцѣловать его одежду, но онъ подавъ руку и поцѣловалъ меня въ голову; потомъ приказалъ мнѣ сѣсть и началъ разспрашивать, кто вы и гдѣ были? Я сказалъ что мы изъ Россіи, изъ Семипалатинска, ѣдемъ изъ Кульджи, были на ярмаркѣ, и попросилъ его принять отъ меня дары изъ Китая. Онъ изъявилъ желаніе. Когда дары были внесены, приказалъ ихъ разложить и, смотря на нихъ, даже смѣялся и позвалъ женъ своихъ, потомъ приказалъ все убрать. За симъ онъ спросилъ: чего желаешь отъ меня? Я сказалъ: прошу одной милости, пропустить нашъ караванъ безъ обиды, онъ спросилъ: а гдѣ же вашъ караванъ? я отвѣтилъ: стоитъ за горами, ведѣлъ дожидаться меня.

„Онъ сказалъ: я желаю чтобы ты погостилъ у меня, мы съ тобой погуляемъ; я Россію люблю, ты пьешь вино? Я отвѣтилъ: пью, но только слабое, виноградное. Онъ сказалъ: и я пью такое же, и приказалъ готовить обѣдъ и подать вина. Мы обѣдали только вдвоемъ, а моихъ товарищей кормили особенно. Такъ онъ продержалъ меня цѣлую недѣлю; я сталъ говорить что пора уже ѣхать намъ въ Семипалатинскъ, что хозяинъ насъ дожидается. Канисаръ согласился отпустить. Я

много благодарилъ за его отеческое снисхожденіе и онъ приказалъ проводить насъ до кордона. Отъѣхавъ за горы, мы поворотили по долину налѣво и ѣхали три дня по дорогѣ, по которой нашъ караванъ отправился уже прежде. Потомъ мы спросили, точно ли онъ уже прошелъ и намъ сказали что уже давно проѣхалъ и мы его догнали уже на полудни къ Семипалатинску, приказавъ послѣшать, потому что намъ казалось что погоня за нами все-таки будетъ. И дѣйствительно, Киргизы начали извѣщать насъ что Канисаръ гонится за нами; сначала сказали что въ десяти дняхъ, потомъ что въ пяти дняхъ, наконецъ стали говорить что въ трехъ дняхъ. Мы начали робѣть, хотя уже было недалеко до Семипалатинска. Вдругъ видимъ что намъ навстрѣчу ѣдутъ казаки, посланные для насъ изъ Семипалатинска; мы до того имъ обрадовались что приняли ихъ какъ ангеловъ Божіихъ. Они спросили: все ли благополучно, видѣли ли Канисара? Мы отвѣтили что все благополучно и Канисара видѣли, но, говорятъ, что онъ гонится за нами и уже недалеко. Казаки намъ сказали: вы послѣшайте какъ можно скорѣе чтобъ онъ васъ не догналъ; а мы поѣдемъ, поздороваемся съ нимъ.

„Канисарово войско, какъ только увидѣло казаковъ, все разсыпалось и мы благополучно прибыли въ Семипалатинскъ. Я отдалъ хозяину отчетъ; потомъ черезъ нѣсколько времени разчитался съ нимъ и отправился въ Томскъ къ своей теткѣ, вотъ и живу у ней.“

Я выслушавъ все это сказалъ ему: напиши всю эту исторію на бумагѣ и принеси ко мнѣ. Онъ написалъ и принесъ. Я переписалъ своею рукой и при своемъ письмѣ послалъ въ Москву къ митрополиту Филарету въ 1851 году. Митрополитъ навелъ обо мнѣ справки въ скиту у моихъ друзей, старцевъ Молдавскихъ, и послалъ мое письмо къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову; графъ передалъ письмо государю Николаю Павловичу. По сему поводу въ Государственномъ Совѣтѣ состоялось рѣшеніе: послать въ Оренбургъ, къ начальнику казачьихъ войскъ, предписаніе чтобъ онъ выслалъ нѣсколько сотъ казаковъ въ Киргизскую степь, и чтобъ они прошли ее до самой китайской границы и узнали духъ народа, точно ли онъ такъ миренъ какъ о немъ пишутъ. Весной 1852 года дѣйствительно были отправлены казаки. Первые три дня они шли ни кого не встрѣтивъ; потомъ увидали—стоитъ стѣна народа. Въ первое

время они подумали что лопали въ ловушку, послали казака спросить что это за народъ? Казакъ спросилъ: что вы за люди и зачѣмъ пришли? Они отвѣтили: мы услышали что лойдутъ казаки въ нашу степь, вотъ мы и пріѣхали изъ всей степи. Мы, ханы и старшины и всѣ начальники, встрѣчаемъ казаковъ съ хлѣбомъ-солью. Казакъ воротившись сказалъ это начальнику; начальникъ, взявъ нѣсколько казаковъ, поѣхалъ къ нимъ. Какъ только подѣхалъ, всѣ Киргизы лали на колѣни. Начальникъ спросилъ: чего вы желаете? Они отвѣтили: просимъ принять отъ насъ хлѣбъ-соль и принять насъ въ подданство Россіи. Начальникъ сказалъ: за доброе ваше желаніе, государь приметъ васъ съ любовью. Потомъ принявъ отъ нихъ хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ и поблагодарилъ ихъ. Они спросили: далеко ли вашъ путь? Онъ отвѣтилъ: намъ вѣрно пройти до китайской границы. Киргизы сказали что васъ нужно проводить по хорошимъ пастбищамъ и водамъ; у насъ степь какъ море, есть великіе пески и безводныя мѣста и воды соленыя. Надобно вамъ пищу приготовить, у насъ хлѣба нѣтъ, питаемся свѣжею бараниной. Казаки съ Киргизами пошли далѣе и шли три мѣсяца; ибо отъ Оренбурга до китайской границы 3.000 верстъ; наконецъ Киргизы сказали что до китайской границы уже не далеко только тридцать верстъ; начальникъ сказалъ что надобно здѣсь остановиться и высмотрѣть удобное мѣсто чтобъ основать городъ. Мѣсто удобное нашлось, земля черноземная, воды хорошія и на горѣ много лѣса. За симъ отправили казака въ Томскъ къ губернатору чтобъ онъ прислалъ къ избранному мѣсту изъ его губерніи всѣхъ казаковъ неслужащихъ вмѣстѣ съ ихъ семействами и со всѣмъ скотомъ. Сборъ казаковъ въ Томскѣ происходилъ при мнѣ лично, когда я самъ жилъ въ этомъ городѣ. Казаки помолбствовали и отправились въ путь, конечно при этомъ много было и слезъ; за ними поѣхали разные купцы и торгоши. По пріѣздѣ къ избранному мѣсту начертали планъ городу и начали строить дома до зимы.

Въ 1853 году, весной, пріѣхалъ казакъ отъ казачьяго начальника въ Томскъ къ архіерею просить чтобъ онъ прислалъ священника и діакона и двухъ причетниковъ, а также св. антиминсъ и св. миро и всѣ другія необходимыя принадлежности для церкви и священнослужителей; владыка нашедъ священника пожелавшаго отправиться туда по охотѣ. О дальнѣйшемъ много лѣтъ я новаго ничего не слыхалъ.

Потомъ уже въ Москвѣ я встрѣтился съ купцами, которые вели торговлю въ Киргизской степи и сами были въ новоустроенномъ городѣ, что близъ китайской границы. Они разказывали что новый городъ названъ Копаль, и всѣ Русскіе и Албазинцы изъ Кульджи выѣхали въ Россію и поселились въ Копаль; всѣ крестились, надѣли русскую одежду и ходятъ по-русски, говорятъ также по-русски и пожелали въ казаки, многіе поселились особыми слободами, по-тамошнему выселками, всѣ учатся русской грамотѣ, читать, писать, закону Божію и пѣнію, и во всякомъ выселкѣ построили церкви и училища, во время богослуженія сами поютъ и читаютъ и исполняютъ службу причетниковъ; вообще сдѣлались совершенно Русскими и истинными христіанами, занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, разводятъ сады и виноградники, и вся Киргизская степь раздѣлена на шесть областей и двѣсти волостей.

Потомъ послѣ Восточной войны въ городахъ Кульджѣ и Чебучакѣ * учреждены русскія консульства и при нихъ домовыя церкви и священники. Но вскорѣ на эту китайскую страну напали Кашгарцы-магометане и начали всѣхъ предавать мечу и огню; разрушили самые города Кульджу и Чебучакъ и уничтожили въ нихъ консульства и церкви. Вслѣдствіе сего весь народъ разбѣжался по горамъ и лѣсамъ и Россія объявила Кашгарцамъ войну; послано было войско, города Кульджа и Чебучакъ были взяты, и вся эта страна присоединена къ Россіи. Но Русское правительство нашло невыгоднымъ держать эту страну въ своемъ владѣніи и потому дали знать кульджинскому губернатору чтобъ онъ извѣстилъ тамошнихъ жителей что если кто желаетъ изъ нихъ въ Россію, то чтобы теперь же выѣзжали со всѣмъ имуществомъ, потому что Кульджа поступитъ со всею страной Китаю. При этомъ извѣстіи весь народъ пришелъ въ страшное движеніе. Не говоря о Русскихъ, Албазинцахъ, Китайцахъ, Киргизахъ, сами Кашгарцы и даже Индійцы, всѣ стали собираться большими партіями со скотомъ и со всѣмъ имуществомъ, всѣ устремились въ Россію въ Семирѣченскую область, тамъ поселялись особыми выселками, принимали крещеніе и русскій языкъ, и одежду, и поступали въ казаки. Именно въ это время и основанъ городъ Вѣрный, который

* По новѣйшимъ картамъ Чугучакъ.

населенъ преимущественно выходцами. Теперь въ немъ уже больше десяти тысячъ жителей; но и въ настоящее время все еще продолжается выходъ переселенцевъ изъ Китая большими партіями. Всѣ они охотно поступаютъ въ вѣрноподданство Россіи, принимаютъ крещеніе, бросаютъ свой языкъ и одежду. Самовидцы мнѣ разказывали что они были въ одномъ изъ подобныхъ выселковъ и сами ходили по домамъ изъ любопытства чтобъ узнать какъ живутъ выходцы. Они находили что въ каждомъ домѣ въ переднемъ углу обыкновенно стоитъ кіотъ наполненный иконами и предъ нимъ горитъ лампадка, подлѣ кіота шкафъ съ книгами; въ домахъ очень опрятно, всѣ одѣты въ русскую одежду, мужчины всѣ отъ мала до велика въ ситцевыхъ и красныхъ рубашкахъ съ косыми воротниками, подпоясаны поясами, таковы же и подштанники; вообще всѣ жители чисто Русскіе, лица у всѣхъ веселыя и на нихъ румянецъ играетъ отъ удовольствія что они теперь въ Россіи и христіане. На вопросъ къ старшимъ: знаете ли по-русски? они отвѣтили: знаемъ, мы всѣ выучились говорить, и молодые за нами слѣдять. Если что позабудемъ и скажемъ по-китайски, то съ насъ штрафъ десять земныхъ поклоновъ. Мы и сами ходимъ въ училище, и учимся грамотѣ чтобы поскорѣе вполне выучиться по-русски. Женщины также ходятъ чисто по-русски. Самовидцы же мнѣ передавали о замѣчательномъ въ выселкѣ праздникѣ въ память годовщины основанія выселка.

„Много наѣхало къ этому времени гостей мірскихъ, и чиновниковъ, и духовенства; остались и мы на праздникъ. Съ вечера служили всенощную, лѣли и читали всѣ недавніе Китайцы; лѣвчихъ было по восьми человѣкъ на клиросѣ; свѣчи и лампы поправляли старушки-Китайки, ланикадила зажигали старики-Китайцы, народу собралось видимо-невидимо; вся церковь была переполнена и кругомъ церкви стояли массы народа. Поутру была совершена литургія съ водоосвященіемъ; потомъ пошли крестнымъ ходомъ кругомъ выселка съ хоругвями и иконами, и когда дошли до восточной стороны выселка: видимъ отъ Китая идетъ масса народа и скороѣ остановилась. Староста послалъ спросить: что за народъ? Посланецъ подошелъ къ массѣ народа и спросилъ: откуда вы и зачѣмъ пришли? Они отвѣтили: мы, Китайцы, пришли желая быть Русскому царю вѣрноподданными и христіанами и Русскими; вы, продолжали они, были тоже Китайцами, а

теперь стали Русскими, и мы того же желаемъ; что это у васъ совершается? Посланный отвѣтилъ: мы Богу молимся, воспоминавая годовщину основанія нашего выселка; по этому случаю и дѣлаемъ крестный ходъ вокругъ выселка. Потомъ спросилъ: а много ли васъ? Они сказали что около тысячи семействъ. Посланецъ возвратился и сказалъ старостѣ: тебѣ еще Богъ даетъ гостей изъ Китая. Всѣмъ имъ велѣно было направиться по большой улицѣ къ большому дому, то-есть къ правленію, а скотъ оставить въ степи. За симъ староста пришелъ къ нимъ и разспросилъ подробно кто они и зачѣмъ пожаловали; они подтвердили то же самое. Тогда десятекимъ поручено было размѣстить всѣхъ прибывшихъ по квартирамъ, накормить ихъ, затѣмъ дать знать народу чтобы каждый мужчина принялъ крестника, а женщины крестницу, и когда все это будетъ сдѣлано чтобы всѣ пришли къ церкви для нареченія прибывшимъ новыхъ христіанскихъ именъ. Въ свое время всѣ сошлись къ церкви, и священникъ по уставу нарекъ всѣмъ имена; отцамъ крестнымъ и матерямъ приказалъ помнить имена своихъ крестниковъ; за симъ, прочитавъ огласительныя молитвы, приказалъ всѣмъ прибывшимъ изъ Китая отрѣзать косы, всю седмицу воздержаться отъ женъ, ходить ежедневно въ церковь и учиться молитвамъ. Эта обязанность была возложена на воспріемниковъ. Такъ всю седмицу провели въ постѣ и молитвѣ. Въ лятницу вечеромъ всѣмъ приказано приходить ко всенощной; поутру чѣмъ свѣтъ собираться къ церкви; къ этому времени пригласили священниковъ изъ другихъ выселковъ.

„Рано утромъ всѣмъ воспріемникамъ розданы были свѣщи, заранѣе были приготовлены три іордана: одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ, а третій для дѣтей. Взявъ хоругви и иконы, всѣ пошли на рѣку, затѣмъ раздѣлились на три группы по числу мѣстъ крещенія. Наконецъ началось совершеніе самаго таинства. Священники прочли молитвы назначенныя по уставу. Когда пришло время погруженія, всѣ взрослые сами входили въ воду по лерси, и священникъ предъ погруженіемъ каждаго предварительно спрашивалъ воспріемниковъ какъ ему имя и тогда погружалъ говоря: крещается рабъ Божій, имярекъ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Какъ только крещеный выходилъ изъ воды, на него надѣвали бѣлый, длинный до земаи халатъ, опоясывали и надѣвали крестъ съ гайтаномъ, давали въ руку зажженную восковую свѣчу и

помазывали муромъ. Нужно замѣтить что предварительно посреди степи уже былъ поставленъ аналой и на немъ лежали крестъ и Евангеліе. Послѣ помазанія муромъ, всѣ выходили на берегъ и воспріемники становились съ ними рядомъ, каждый со своимъ крестникомъ или крестницей. Какъ только окончилось муропомазаніе, священники, а за ними и всѣ крестившіеся и воспріемники, пошли вокругъ аналая и заплѣли: елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся и проч. Пѣлъ весь народъ состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ, а кругъ совершили около версты. Вотъ было поистинѣ чудное зрѣлище! Тысячи народа ходятъ со свѣщами, а тысячи зрителей стоятъ вокругъ ихъ и всѣ поютъ. Тогда почти явно на всѣхъ сошелъ Духъ Святой; всѣ перешли въ какой-то восторгъ, всѣ радовались и отъ радости плакали. Потомъ прочитали Апостолъ и Евангеліе, какъ положено по уставу крещенія. Когда начали говорить ектенію, воспріемники сняли халаты со своихъ крещеныхъ и одѣли мужчинъ въ мужское одѣяніе, а женщинъ въ женское, и въ одинъ часъ всѣ сдѣлались Русскими и пошли въ церковь. На литургіи ихъ причащали три священника, мужчинъ въ царскихъ вратахъ, женщинъ въ южныхъ, а дѣтей въ сѣверныхъ. Къ этому случаю пріѣхалъ исправникъ и сначала приказалъ было позвать къ себѣ всѣхъ взрослыхъ чтобъ ихъ поздравить; но потомъ, увидя великое множество ихъ, вышелъ на улицу самъ и поздравилъ. Всѣ наученные воспріемниками, въ отвѣтъ закричали: „благодаримъ“. Исправникъ сказалъ: „неужели это Китайцы? нѣтъ! это молодцы, это чисто-русскій народъ“. Потомъ пригласили всѣхъ къ общественному обѣду, который жители дѣлали отъ себя, и всѣ идя дорогой и смотря другъ на друга удивлялись, говоря: какой ты братъ сдѣлался хорошій, бѣлый, румяный, узнать нельзя, и другой тоже говорить ему: мы въ Китаѣ были звѣри, а теперь сдѣлались люди; вотъ такова-то Россія и вѣра христіанская, и одежда къ намъ очень пристала. Такъ и кончили два праздника.“

Китайцы хорошіе хлѣбопашцы. Сначала они хотѣли впрочемъ промышлять только скотоводствомъ, но послѣ увидѣли что хлѣбопашество выгоднѣе; хлѣбъ продаютъ въ Китай, тамъ хлѣба мало; затѣмъ въ Кашгаръ и въ Индію. Сами Киргизы начали сѣять хлѣбъ, разводить сады и виноградники; скоро будутъ виноградное вино возить изъ Семирѣченской области. Всѣ китайскіе выходцы желаютъ служить

казаками, очень набожные христіане и вполнѣ надежные русскіе подданные. Это зависитъ особенно оттого что выходцы вполнѣ сознають что они теперь вырвались на свободу, дышать чистымъ воздухомъ, живутъ въ полномъ довольствѣ, наслаждаются семейнымъ спокойствіемъ; земли сколько угодно; каждый лапу и сѣй хлѣба сколько можешь, держи скота сколько угодно, притомъ съ казаковъ подати никакой не берется. Въ Китаѣ же земли мало, хлѣба не достаетъ, скота водить негдѣ, оттого и ѣдятъ тамъ всякую скверну и гадину, мышей, крысъ и прочая, а перемѣнять мѣсто и переселяться закономъ воспрещено; въ одномъ мѣстѣ жить невозможно отъ тѣсноты, а въ другихъ мѣстахъ лежать пустыя и ненаселенныя степи какъ, напримѣръ, въ Монголіи. Оттого и дѣтей своихъ Китайцы большею частію еще въ пеленкахъ убиваютъ, оставляя только двоихъ: мальчика и дѣвочку. Смертоубійство и самоубійство въ Китаѣ обыкновенныя и постоянныя явленія. Выходя изъ дома каждый какъ бы уходитъ навсегда, не зная возвратится ли къ вечеру или нѣтъ. И всѣ подобныя явленія, повидимому, даже и закономъ не преслѣдуются. Самъ Порфирій Глѣбовичъ разказывалъ: иду по улицѣ въ Кульджѣ; вижу что одинъ молодой человекъ въ корзину несетъ продавать виноградъ; я сталъ торговать и купилъ, продавецъ хотѣлъ было вѣсить, но въ это время подошелъ другой и говорить мнѣ: что ты купилъ? видишь его виноградъ гнилой, купи у меня, мой виноградъ свѣжій, только что срѣзанъ. Я посмотрѣлъ и нашелъ что его виноградъ свѣжѣе и лучше и отказалъ первому. Тогда тотъ мгновенно выхватилъ ножъ и прямо своему врагу въ животъ; тотъ повалился, потомъ убійца порснулъ ножомъ и себя въ брюхо и тоже свалился. Вотъ два человека лежатъ мертвыми и корзины валяются! Я оцѣпенѣлъ отъ ужаса не зная что мнѣ дѣлать; въ это время подходитъ братъ Кульджинецъ и говорить мнѣ: ты иди куда знаешь, у насъ это ежедневно повторяется. Я давай Богъ ноги и ушелъ. Вотъ думаю здѣсь совсѣмъ ходить нельзя, надобно имѣть двѣ головы. Такъ дешева жизнь въ Китаѣ!.. Все это и подобное хорошо извѣстно всѣмъ выходцамъ изъ Китая и потому-то они не только вполнѣ вѣроподданные Россіи, но и положительно боятся какъ бы она не отказалась отъ нихъ и не возвратила Китаю.

Итакъ вотъ какимъ образомъ пріобрѣтена Киргизская дикая степь, и кто были виновники столь благодатнаго переворота, и кто затронулъ средне-азіатскія дѣла! Окончена сія тетрадь 10го сентября 1875 года.

Въ концѣ другаго экземпляра той же самой статьи сдѣлана авторомъ слѣдующая собственноручная приписка:

Нельзя ли эту статью довести до свѣдѣнія начальства Туркестанскаго края, напечатать ее въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* и объявить во всѣхъ областяхъ Киргизской степи, Бухарскимъ провинціямъ и Кульджинскому краю чтобы не пришло это историческое свѣдѣніе въ забвеніе. Вотъ прошло двадцать три года, но во въ исторіи, и журналы, и календари молчатъ, и никому неизвѣстно какъ эта страна попала въ подданство Россіи.

ПАРФЕНІЙ.